ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ПСИХОЛОГИИ

И.Т. КАСАВИН

Рассматривается использование в современной психологии междисциплинарного подхода, получившего название «дискурс-анализ». Углубляя раскол психологии на два лагеря и способствуя формированию «качественной» парадигмы, он обнаруживает определенные слабости, что требует методологического осмысления. Это одновременно позволяет уточнить и само понятие дискурса, ставшее столь модным в гуманитарных науках XX в.

Ключевые слова: дискурс, анализ, психология, психотерапия, лингвистика, качественные методы, конструктивизм, междисциплинарность, методология.

В гуманитарных науках, взявших на вооружение так называемые качественные методы исследования, одно из приоритетных мест занимает дискурс-анализ, явившийся прямым следствием известного «лингвистического поворота». Он призван преодолеть пороки объективизма, свойственного классической гуманитаристике, и воплотить в жизнь плюралистическую, релятивистскую, контекстуальную, междисциплинарную методологию, адекватную современному неклассическому состоянию науки. Демонстративная нечеткость используемых при этом понятий и терминов, недостаточная отрефлексированность мыслительных и практических процедур, свойственные дискурс-анализу, воспринимаются учеными как его естественные качества. Что это — банальная методологическая неряшливость или в самом деле росток нового методологического сознания? Каковы границы использования дискурс-анализа за пределами собственно лингвистики и литературоведения? Наша задача — выявить, в каком смысле термин «дискурс» используется в современной психологии, а также проанализировать, насколько оправдано такое использование.

Работа выполнена при финансовой подддержке РФФИ, проект № 06-06-80208.

О ТЕРМИНЕ «ДИСКУРС»

Слово «дискурс» (лат. — discursus, англ. — discourse, фр. — discours, итал. — discorso) происходит от латинского «discurrere» — «обсуждение», «переговоры», даже «перебранка» (букв. «бегать туда-сюда»). Оно означает речевую ситуацию обмена высказываниями между собеседниками. В повседневном языке, или в широком смысле, дискурс выступает синонимом слов «разговор», «диалог», «беседа». В узком смысле (в риторике и теории аргументации) дискурс практически совпадает с особым типом разговора, при котором происходит обмен доводами за и против чего-то.

В философии, истории и методологии гуманитарных, а также естественных наук сложилось два основных смысла этого термина. Он используется, во-первых, как обозначение методически дисциплинированной речи или высказывания по некоторой теме. Исторические примеры этого дают Р. Декарт в своем «Discours de la methode...» (1637), Г. Галилей — «Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze» (1638), Р. Бойль — «A discourse of things above reason» (1681), Г. Лейбниц — «Discours de métaphysique» (1686), Ж.-Ж. Руссо — «Discours sur les sciences et les arts» (1750). Во-вторых, в лингвистике и теории языковых актов «дискурс» является обозначением языко-

вого действия в рамках разговора или беседы. Тем самым за дискурсом закрепляется отнесенность к выводному, рационализированному, институциализированному знанию, с одной стороны, и к знанию спонтанному, слитому с живой неоконченной речью, противопоставленной завершенному письменному тексту — с другой.

Именно эти смыслы термина «дискурс» и проблематика дискурса вообще была актуализирована в структуралистской «Linguistique du discours» (Ф. Соссюр, К. Леви-Строс) и в постструктуралистском дискурс-анализе. Здесь в качестве дискурса были поняты и подвергнуты критике научные, литературные и повседневные высказывания и тексты, а также сложные, институциально укорененные системы знания в совокупности с относящимися к ним практиками. Дискурс-анализ в XX в. нашел применение в психоанализе (Ж. Лакан), историко-генеалогическом (М. Фуко) и семиотически-деконструктивистском исследовании (Ж. Деррида, П. де Мен, Ж.-Ф. Лиотар). Особое влияние он оказал на литературоведение, социологию и феминистские теории.

Независимо от французских теорий дискурса, дискурс-анализ возник как раздел лингвистики под названием «эмпирический дискурс-анализ» или «лингвистическая прагматика». При этом дискурс рассматривался как структура коммуникативных отношений, присущих речевым актам, которая выступает в качестве их цели и целостности. Лингвистическая прагматика исследует структуры, на основе которых из отдельных речевых актов строятся коммуникативные последовательности и цепочки. В дальнейшем они подразделяются на различные формы речи и типы текстов (дискурс-формы и дискурс-типы). Основные идеи этого направления были заимствованы из «методической», или «органон-модели» языка К. Бюлера [24], теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля и феноменологии дискурса Ч.У. Морриса [47]. В настоящее время существует целый ряд типологий дискурса и немалое количество его определений. Многообразие здесь явно доминирует над единством[1].

Нам предстоит проанализировать методологические проблемы, которые актуализирует обращение к дискурс-анализу в психологии. Это вопросы о соотношении предмета и метода, теории и эмпирии, объективности и субъектности, объяснения и понимания, логики рассуждения и стихийной речевой практики. Можно сказать, что тем самым по-новому ставится старый принципиальный вопрос: каков статус психолога-исследователя и изучаемого им фрагмента реальности? Являются ли обе стороны данного взаимодействия человеческими индивидами с присущим им сознанием, или они представляют собой аппаратную установку, с одной стороны, и доступный анализу и манипуляции объект — с другой?

КРЕДО НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Важно подчеркнуть, что в современных гуманитарных науках и, в частности, в психологии усвоение идей, связанных с понятием дискурса, знаменует собой существенную методологическую переориентацию. Психологи, социологи, этнографы рассматривают дискурс-анализ как форму разрыва с классической нормативной философской методологией и одновременно как способ выхода за традиционные дисциплинарные границы «сциентистской», или «когнитивистской» психологии. Термин «дискурс» выступает, тем самым, как лозунг и символ новой гуманитарно-научной парадигмы, формирование которой происходит в наши дни[2].

Стремление к новизне, впрочем, всегда идет рука об руку со снижением эпи-

---

[1] Чтобы не повторять уже сказанного, сошлюсь на свои предшествующие публикации [5]—[7].

[2] Этому специально посвящена статья английского философа и психолога Р. Харре́ [17].

стемических стандартов, со снисходительностью к слабой методологической культуре и дефектам научности вообще. Наглядный пример этому представляет недавно изданный в Харькове перевод на русский язык книги [40], которому предстояло просветить русскоязычного читателя на предмет дискурс-анализа. Вопиющая некорректность перевода, автора которого издатели («Гуманитарный центр») даже не смогли указать (автоперевод, подстрочник?) и которую не смогла преодолеть научный редактор, кандидат филологических наук А.А. Киселева, обращает на себя особое внимание. Эта некорректность начинается с первых страниц книги, на которых фигурируют ее поразному представленные названия и в разном порядке перечисляемые авторы. Заканчивается она искажением оригинального написания, неверной транскрипцией и склонением фамилий известных авторов. Многочисленные ошибки, встречающиеся в русском тексте, не позволяют с уверенностью цитировать его, дезориентируют читателя и ставят перед необходимостью продираться через невразумительный перевод путем сличения с оригиналом. О таких постоянных «пустяках», как пропуск слов, ошибки стиля и согласования, можно было бы и не упоминать. Сама же книга, представляющая собой популярное, учебное изложение темы малоизвестными авторами, — также не лучший выбор для перевода, тем более что она посвящена некритическому реферированию источников, в первую очередь, концепции английского теоретика дискурса Н. Фэркло [32]. Мы не стали бы уделять этому неудачному изданию пристальное внимание, если бы оно была не столь типично для современной так называемой масс-науки (поп-науки), в которой сливаются воедино голый коммерческий интерес, слепое преклонение перед средствами массовой информации и низкая профессиональная компетентность. Раздражение от этой псевдонаучной деятельности нередко распространяется на такие новые понятия? как дискурс, используемые, конечно же, в весьма нестрогой теоретической манере.

Тому способствует и объективное многообразие специально-научных подходов, которые существенным образом связаны с понятием дискурса: лингвистическая прагматика, анализ разговора (conversation analysis), этнометодология, феминистские исследования, постструктурализм, постмодернистская политология, риторика, социология научного знания, дискурсивная психология, символический интеракционизм (список может быть продолжен). Они в основном разделяют идеи конструктивизма, который находится в оппозиции к традиционным социальным наукам и, в частности, к их наивно-реалистической установке. Конструктивизм и дискурс — понятия, которые сегодня часто используются в одном методологическом контексте. Поэтому нелишне очертить сферу того, что именуется, в частности, социальным конструктивизмом.

Социальный конструктивизм[3] представляет собой один из новейших подходов в рамках целого спектра социально-гуманитарных наук (социологии, психологии, этнографии, лингвистики). Он еще далек от парадигмальной устойчивости и теоретико-методологической однозначности, а в его оценках присутствует немало недоразумений, непонимания, огульной критики и столь же эмоциональной приверженности.

Сегодня мы не в состоянии предложить общую логическую дефиницию данного подхода, однако уже можно, опираясь на ряд публикаций последних лет, дать что-то вроде его феноменологического описания. И оно будет находиться в большем согласии с методологическими уста-

[3] См., например, [14]. Здесь мы отвлекаемся от терминологических споров по поводу того, что называется «constructivism» и «constructionism» в социальных науках, социологии научного знания и теориях искусства, и будем использовать только термин «конструктивизм».

новками конструктивизма, чем какая-либо логическая дефиниция именно потому, что сам конструктивизм почти не оперирует такого рода определениями. Они выступают в глазах его представителей как методологическая ошибка, признак наивного, субстанциалистского реализма, согласно которому всякий предмет может быть определен путем выделения его основных признаков, имеющих референты в объективной реальности.

Поэтому американские психологи Дж. Шоттер и К. Джерджен, пытающиеся дать некоторое представление о социальном конструктивизме, идут совершенно иным путем и просто очерчивают сферу его проблематики. Социальный конструктивизм, пишут они, «озвучил палитру таких новых проблем, как социальное конструирование личностной идентичности, роль власти в социальном формировании смыслов, роль риторики и нарратива в научном дискурсе, центральное значение повседневности, запоминание и забывание как социально конструируемая деятельность, рефлексивность метода и теоретизирования. Через все эти проблемы красной нитью проходит внимание к тому, как в человеческих сообществах осуществляется производство человеческих способностей, опыта, повседневности и научного знания и как эти последние сами воспроизводят сообщества людей» [60;].

В другой работе К. Джерджен уточняет это несколько бессистемное описание, выделяя пять базисных посылок социального конструктивизма.

Во-первых, это установка, при которой наш подход к миру и самим себе не находится под давлением заранее принятых теоретических допущений. Далее, наши термины и способы понимания мира и самих себя являются социальными артефактами, продуктами исторически и культурно определенных отношений людей. В-третьих, степень устойчивости во времени некоторого подхода к миру и человеку зависит не столько от его объективной истинности (validity), сколько от превратностей социального развития. В-четвертых, важность языка в мире человека определяется способом его функционирования в паттернах человеческих отношений. И, наконец, дать оценку существующим формам дискурса значит оценить некоторые культурные образцы и тем самым позволить зазвучать иным культурным анклавам, территориям и группам [33].

Впрочем, и эта характеристика социального конструктивизма отличается противоречивостью. С одной стороны, наше мировоззрение не должно являться теоретически нагруженным, но, с другой, оно не может не быть таковым, так как наши понятия суть социальные конструкты и от них никак нельзя избавиться. С одной стороны, принимается известная максима А. Шюца, что всякая претендующая на объективность оценка может осуществляться лишь с позиций, внешних по отношению к оцениваемой культуре. С другой же стороны, эта оценка не имеет никакого отношения к социальному принятию оцениваемого культурного объекта. Вероятно, такая противоречивость рассматривается как норма, и в этом опять-таки альтернативность социального конструктивизма по отношению к классической науке. И если следовать этой норме в его определении, то можно просто представить список методов и подходов, близких социальному конструктивизму в той или иной мере, т.е. построить нечто вроде витгенштейновской цепочки семейных сходств, как и поступает Дж. Поттер [52]. Однако если мы определенно отличаем один метод от другого, то сталкиваемся с трудностью проведения дисциплинарных границ, что вновь не слишком заботит конструктивистов. Ведь последний как раз и характеризуется подходами, обычно развивающимися на границах разных наук, на стыке психологии и социологии, литературоведения и политологии, гендерных исследований и лингвистики.

В целом можно сказать, что эти подходы акцентируют внимание на «кон-

тингентности»[4] сознания и деятельности по отношению к специфическим формам культуры. При этом сознание рассматривается антиэссенциалистски, как то, что не имеет фиксированной сущности, но строится из культурно-символических ресурсов. Для некоторых конструктивистов сознание вообще является не ментальным объектом, а дискурсивным и нарративным действием. Это совокупность историй, которые рассказывают люди, это набор речевых практик общения с себе подобными как моральными и понимающими существами [26], [36]. Поэтому конструктивисты и склонны рассматривать дискурс как основной принцип социального конструирования.

Подчеркнем, что дискурс-анализ выступает в качестве метода, в котором наиболее рельефно сказывается междисциплинарный характер социального конструктивизма. Конструктивисты в психологии, к примеру, имеют больше общего с лингвистами и социологами науки, чем со своими коллегами, которые занимаются нейронами, менеджментом или эргономикой. Использование конструктивистами дискурс-анализа как психологического метода также выводит их за пределы традиционной психологии. Это проявляется, прежде всего, в вопросе обоснования результатов исследования. Если традиционная научная психология собирает данные, операционализирует переменные, проводит статистические тесты, строит компьютерные модели, то дискурс-анализ представляет собой поиск и анализ объективности в другой сфере и на другом уровне. Он фокусируется на разговоре и текстах как объективных социальных практиках, а также на тех ресурсах, которые привлекаются для изучения и овладения этими практиками. Например, дискурс-анализ расизма изучает то, как в определенном контексте происходит легитимизация выражений, дающих негативное описание национальных меньшинств [54].

Дискурс-аналитики отказываются и от традиционных когнитивных объяснений в психологии. Вместо того чтобы объяснять действия как следствия ментальных процессов или сущностей, они пытаются понять, как менталистские понятия конструируются и используются в интеракции. К примеру, вместо объяснения сексизма в терминах индивидуальных установок предпринимается анализ того, как делаются оценки в конкретных ситуациях общения с учетом индивидуальных и надындивидуальных позиций [35], [63]. Все эти характеристики дискурс-анализа, впрочем, не являются его дефиницией. Новые исследования всякий раз расширяют границы этого подхода, и ясно только следующее: проблематика и методы дискурс-анализа позволяют по-новому взглянуть на ряд психологических проблем и дать их переформулировку.

Подчеркнем еще раз: дискурс-анализ не может быть рассмотрен как метод решения тех проблем, которые сформулированы с точки зрения других психологических подходов. К примеру, психолог интересуется вопросом, о том каковы факторы, побуждающие человека курить табак. Должен ли он предпринять наблюдение, экспериментальное моделирование ситуации или дискурс-анализ? Такая постановка вопроса является неверной, поскольку дискурс-анализ, во-первых, представляет собой не только метод, но и особую картину мира, и, во-вторых, содержит специфические теоретические предпосылки.

Традиционная психология имеет дело с факторами и их следствиями, со стиму-

---

[4] Термин «контингентный» (contingent, т.е. пропорциональный, возможный, случайный — *англ.*) является типичным примером недоразумений, возникающих в результате калькирования иностранных терминов в русском языке или просто их плохого перевода. Этот термин — ключевой для концепции социально-культурной обусловленности сознания и познания, и потому в данном случае должно использоваться далеко не первое, но весьма существенное значение этого слова — «зависящий от обстоятельств», «условный». Типичная ошибка в трактовке этого термина как «случайный» допущена, к примеру, в упомянутом выше харьковском переводе книги М. Йоргенсен и Л. Филипс.

лами и реакциями, и этот подход определяет взгляд на методы экспериментирования и опроса. Логика же дискурс-анализа построена на риторике, каждый шаг которой имеет своего контрагента. Так, к примеру, М. Биллиг показывает, что в речевых практиках категоризирующему мышлению противостоит партикуляризация: стремление к обобщению и использованию понятий дополняется таким же стремлением к выделению единичного и фокусированию на нем [22]. Кроме того, эффективность дискурс-анализа не гарантирована регулярностью причинно-следственных процессов, а нормы, которыми руководствуется дискурс-аналитик, не тождественны механическому шаблону. Нормы дают ориентацию, но деятельность регулярно отклоняется от них, даже если эти отклонения ограничены ответственностью и санкциями. Конечно, дискурс-аналитик должен уметь формулировать вопросы, которые теоретически когерентны и доступны анализу. Ограничиться постановкой вопросов, не имеющих никакого смысла в традиционных психологических координатах, значит создать себе самому серьезную проблему. Однако дискурс-анализ содержит важное отличие от традиционной психологии, приверженной гипотетико-дедуктивному методу построения теории и исходящей из того, что квалифицированное исследование основывается на хорошо поставленном вопросе или точно сформулированной гипотезе. Исследователи дискурса, даже если они осознают ловушки наивного индуктивизма, обычно предпочитают собирать и исследовать материалы — интервью или другие записи — без того, чтобы начинать с какой-то специфической гипотезы. Тем самым они претендуют на статус подлинных реалистов и натуралистов, не ограниченных принятой теоретической онтологией.

Кстати, социологи выделяют целый ряд причин, по которым исследователь вынужден отказываться от анкетного опроса и обращаться к качественным методам (многообразным, нестрогим, вариабельным интерактивным, контекстуальным). Качественные исследования, возникшие на волне «лингвистического поворота», представляют собой многообразие неклассических методологических подходов в гуманитаристике, которые существенно расширяют стандартное представление о научном исследовании. Они претендуют на «деконструкцию западного знания» путем постановки вопросов о «расовости эпистемологии», «колонизаторской методологической практике», «половой принадлежности истины» и «политическом подходе к значению». Позиционируясь в рамках столь проблематичных дискурсов, качественные исследования испытывают на прочность текущие ограничения и открывают перспективные территории: между политикой и эпистемологией, идеологией и наукой, философией и искусством. Можно ли определить качество и как это сделать, как связаны между собой качество и политика, качество и этика, качество и методологические стандарты?

Если классическая наука, следуя известному определению И. Канта, отождествляла научность с использованием математики, то в неклассических исследованиях на место количественно-математических пытаются поставить качественные методы. В сущности, речь идет о смене языка науки, в которой математические выражения и расчеты заменяет естественный язык. Для этого используются некоторые лингвистические, психологические и социально-антропологические идеи и подходы, в которых главными понятиями оказываются «интеракция», «компетенция», «контекст», «дискурс», «чтение», «письмо», «нарратив», «полидисциплинарность», «компартивизм» и т.п. Сферой прикладного применения качественных методов являются многочисленные проблемы в педагогике, медицине, политологии, биоэтике и пр. [27], [28], [44]—[49], [59], [61], [64].

Вот как звучит типичный по своему пафосу и своей противоречивости пассаж из одного анонимного руководства по ка-

чественным исследованиям в педагогике. «Имей в виду, что метод не является самодостаточной целью и что немало сил было потрачено впустую на ритуализацию исследовательского процесса, на одержимость технологией исследования. Подлинно же важной является лишь та политика, в которой ты участвуешь при посредстве своей работы, а также понятия, теории и интерпретации, которые ты разрабатываешь для осмысления мира. “Методы” не спасут тебя, если у тебя не хватает идей, теоретической утонченности и знакомства с основными течениями интеллектуальной культуры. Основной проблемой исследований в области образования является пренебрежение теорией или, точнее, ее отсечение от исследовательской практики. Тебе следует изучать эти (прилагаемые в библиографии. — *И.К.*) труды не во имя абстрактного методологического знания, но для изыскания путей решения концептуальных или практических проблем, связанных с твоими основными интересами».

Применимость количественных методов не подвергается сомнению применительно к проверке уже сформулированных гипотез или, как сказал бы Х. Райхенбах, в контексте обоснования. Так, если, к примеру, поставлена задача предсказать поведение избирателей в момент, когда большинство населения уже составило свои электоральные преференции, то достаточно анкетного опроса по значимой выборке населения. Однако если исследование будет касаться представлений людей о сложных общественных процессах и явлениях, их установок и мотивов, то интерпретация выбора респондентами вариантов ответов на сформулированные в анкете вопросы не будет адекватно отражать все многообразие индивидуальных значений и смыслов, которые «спроецированы» в них [13]. Стандартные методы опроса вынуждают исследователя использовать систему понятий, которая может частично, а то и полностью, не совпадать с системой понятий респондента. При этом одна и та же установка или один и тот же мотив могут иметь противоположный смысл в разных системах представлений и отношений. В результате резко возрастает неадекватность интерпретации индивидуальных представлений и прогнозирования поведения.

Данные методологические трудности характеризуют в целом исследование повседневного сознания. Приверженность классических психологов полностью оформленной первоначальной гипотезе как раз и была одним из факторов того, что они столь неохотно работали с естественными интеракциям типа повседневной коммуникации между знакомыми или бесед на работе. И именно эти типы интеракции в наибольшей степени заслуживают исследования с позиций дискурс-анализа как типичного примера качественных исследований.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

С самого своего начала психотерапевтическая практика естественно и стихийно порождала некий набор слабо отрефлексированных способов анализа, интерпретации и понимания текстов. Вместе с тем в психологии не обошлось без влияния философской и специальнонаучной герменевтики, которая благодаря В. Дильтею, Х.-Г. Гадамеру, Э. Бетти и Э. Хиршу была интегрирована в немецкий психоанализ, а затем начала отчасти усваиваться и за океаном. Это же касается и восприятия некоторых методологических идей лингвистики текста. Поэтому дискурс-аналитики, обращаясь в рамках психологического исследования к организации текста и разговора в конкретных социально-когнитивных практиках, уделяют специальное внимание также и встроенным в них рефлексивным механизмам, которые определяются этими практиками и в свою очередь оказывают на них обратное влияние. Так возникает понятие *интерпретативных репертуаров* (interpretative repertoires), призванное специфицировать и подвергнуть анализу интерпретативные ресурсы вообще.

Под интерпретативным репертуаром понимается система связанных между собой терминов, обладающих определенной стилистической и грамматической когерентностью и организованных вокруг одной или нескольких базовых метафор. Эти репертуары формируются исторически и образуют важную часть повседневного мышления некоторой культуры, но могут быть также свойственны отдельным институциализированным сегментам общества. Идея таких репертуаров выражает то обстоятельство, что человек находит в культуре ряд готовых мыслительных, эмоциональных и перцептивных схем, которые используются в разных контекстах при решении конкретных задач. Данные репертуары аналогичны теориям и концепциям, но обнаруживают при этом большую пластичность в сравнении с ними, что позволяет легко модифицировать их применительно к разным контекстам. Участники языковых интеракций обычно используют целый набор интерпретативных репертуаров, между которыми идет обмен содержанием в процессе конструирования смысла некоторого феномена или осуществлении некоторого действия. Очень важно, что понятие интерпретативного репертуара позволяет сузить и уточнить понятие дискурса М. Фуко и размежеваться с его расширительным употреблением [55].

Кстати, сходное понятие «интерпретативных ресурсов» использовалось в классическом труде по социологии научного знания [34]. Это исследование научного дискурса выявляет, как ученые применяют один репертуар в своих формальных публикациях и совершенно другой — в неформальных беседах. По мнению авторов, это объясняет ошибки ученых в процессе их конкуренции между собой. В дальнейшем это понятие приобрело смысл более близкий социальной психологии, что позволяло решать задачи выделения конкретных социальных концептуализаций, а также задачи экспликации включающей их практики в рамках case studies [43], [53], [62].

Аналитики дискурса исследовали множество политических, судебных, повседневных ситуаций, в которых люди принимают решения, рассчитывают шансы на успех своих действий, предъявляют обвинения и несут ответственность ([18], [31], [35]), при этом интерпретируя действия и высказывания. К примеру, Д. Эдвардс анализирует «исходные формулировки», «скрипты» (script formulations) в ходе телефонных разговоров, показывая, что одни и те же события можно интерпретировать и как регулярные, рутинные, и как выражение внезапных личных пристрастий, и как необычное проявление внешнего принуждения [30]. Экзистенциальный смысл подобных описаний-интерпретаций, даваемых участником коммуникации, состоит в том, чтобы справиться с чувством вины и обосновать легитимность действий.

В целом понятие интерпретативного репертуара продемонстрировало практическую эффективность, хотя и натолкнулось на известные методологические проблемы. Так, конкретные научные репертуары порой обнаруживают широкое применение за пределами науки, что ставит под вопрос их институциональную принадлежность. В таком случае это понятие вообще оказывается слишком широким для использования в специальном контексте, что теоретически может поставить под вопрос его операционализируемость. Это — типичная проблема методологии гуманитарных наук в целом, когда трудно провести строгое различие между научной интерпретацией и повседневным пониманием, доказательством и убеждением, рациональной дискуссией и досужей болтовней, и приходится апеллировать к интуитивным критериям и консенсусу.

Исследования интерпретативных репертуаров, в сущности, являются анализом языковых актов в их социокультурных контекстах. Многообразие последних поистине неисчерпаемо. Речь может идти о способах вынесения морального вердикта, о формировании картины мира, о построении и использовании со-

циальных категорий. В этих контекстах разворачивается детальное, контекстуально сфокусированное построение высказываний и развертывание аргументов, встроенное в дискурсивные сообщества и институты — «колдовство риторики», по М. Биллигу [21]. Естественно, что здесь анализ дискурса как специфического речевого феномена объединяется с исследованием того, что называют «разговором» (conversation) и «риторикой» (rhetoric).

ДИСКУРС, РАЗГОВОР, РИТОРИКА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

ДИСКУРС И РАЗГОВОР

Анализ разговора был начат новаторскими работами Г. Сакса [57], К. Щеглова [39] и Г. Джефферсона [58], в которых систематически разрабатывалось понимание беседы в процессе интеракции. Иногда психологи понимают это просто как исследование правил очередности реплик в разговоре. Однако главное здесь в том, чтобы прояснить фундаментальное значение интеракции для собеседников. Данное быстро развивающееся направление сделало акцент на той неполноте анализа, которая свойственна теории речевых актов как попытке универсального психологического исследования языковых практик [42], интерсубъективности [58], публичной речи [20] и судебной дискуссии [29].

Анализ разговора является релевантным для дискурс-анализа в двух отношениях. Во-первых, он дает основательное понимание человеческой интеракции вообще, коль скоро значительная ее часть осуществляется при помощи разговора и в целях понимания тех же самых психологических и социальных феноменов, которые представляют интерес для дискурс-аналитика. Понимание базисной структуры разговорной прагматики (разговорные роли, элементы и порядок разговора, столкновение позиций, связь действий и речи) является практической основой всякого квалифицированного дискурс-анализа [48].

Анализ разговора и дискурса идут рука об руку в том, что касается деталей интеракции, имеющих существенное значение для понимания ее в целом. Каждый ее элемент— пауза, неуверенность, оговорка, непонимание — может играть решающую роль в данном отрезке коммуникации. Анализ разговора и анализ дискурса выступают здесь как дополняющие друг друга элементы подхода, альтернативного когнитивизму, и одновременно как попытка понимания высказываний по поводу когнитивных сущностей [26], [51].

Делая разговорную интеракцию предметом исследования, аналитики подчеркивают симметрию между позицией участника и наблюдателя в разговоре. Так, участник дает свою оперативную интерпретацию хода интеракции. На ней, как на некотором анализе, основана структура последующих разговоров. Отвечая на вопрос, критику, приглашение и т.п., участник разговора обнаруживает понимание этих языковых действий. Если же понимание ошибочно, то включаются коррекционные механизмы, которые в последующем расставляют все по местам. Этот анализ, внутренне встроенный в интеракцию, является для аналитика важным, хотя и не единственным способом проверки собственного понимания. Доверие к участнику коммуникации — установка, заимствованная из роджерианской социальной психологии с ее понятием «клиента». Примерно так же историк и методолог науки обращаются к рефлексии ученых для более глубокого понимания структуры и развития научного знания, хотя должны доверять ей лишь постольку, поскольку она соответствует результатам независимого анализа научных текстов и контекстов. Эта способность использовать рефлексию участников разговора отличает данный подход от других типов психологического конструктивизма, которые фокусируются на текстах вне их разговорного контекста. Исследователи разговора имеют дело по большей части с естественными интеракциями, за-

писанными на магнитофон или видео и транскрибируемыми до самых мелких деталей. Дискурс-аналитиков отличает, напротив, то, что они работают в основном с результатами теоретически нагруженных опросов и интервью, в которых ответы рассматриваются сквозь призму определенных социологических концепций.

ДИСКУРС И РИТОРИКА

Исследование риторики возобновилось в 1970—1980-е гг. и было направлено, в особенности, на построение аргументации в текстах и на включенные в них различные формы убеждения [50]. М. Биллиг обратил особое внимание на то, как риторика может быть использована для реформирования психологического анализа мышления. К примеру, метафора аргументации полезна для понимания процесса мышления в значительно большей степени, чем взгляд на него как на операции некоторого вычислительного механизма, содержащего внутренне последовательную систему убеждений [21]. В таком случае мышление, по мнению М. Биллига, может рассматриваться как расколотое аргументационными дилеммами, структура которых производна от конфликтующих интерпретативных репертуаров некоторой культуры [23]. Если более традиционный социальный психолог анализирует оценочное выражение как индекс индивидуальной установки, то исследователь риторики пытается обнаружить тот способ, с помощью которого оценка становится культурной альтернативой общепринятой точке зрения.

Анализ разговора и анализ риторики имеют дело с двумя разными способами отношений. Первый фокусируется на последовательной организации языковых актов, второй — на отношении между противостоящими позициями аргументации. Риторические действия также могут быть выстроены в последовательность, но это не обязательно. Иногда они выражаются в форме прямых и явных заявлений, использующих словарь речевых актов («Я с этим не согласен»); в других случаях риторические контрасты строятся имплицитно, путем конкурирующих описаний некоторого действия или события. Исследования дискурса порой содержат ряд различных материалов — газетные сообщения, записи интеракций, интервью, протоколы парламентских заседаний — для облегчения риторического анализа некоторой области. Только таким образом удается идентифицировать риторически цели и оппозиции отдельных аргументаций и описаний.

Таким образом, специально-научные исследования дискурса, разговора и риторики, акцентируя присущие им различия в предмете и методах, в сущности, уточняют структуру дискурса в целом. К ней относятся различные формы научной рефлексии и рефлексии участников, построение речевых актов, соотношение между индивидуальными и коллективными установками, естественными и искусственным в коммуникации и т.п.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИНТЕРАКЦИЯ И ЕСТЕСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ. СКРИПТ И ТРАНСКРИПТ

Одним из наиболее удивительных недостатков психологии XX в. было практическое отсутствие исследований реальной человеческой деятельности, интеракций людей на работе и дома. Редкие попытки такого рода оставались в плену наивного бихевиоризма, который игнорировал факт интеракции или редуцировал ее к простым реакциям. Воодушевленные успехом исследований разговора на материалах естественных интеракций, дискурсаналитики начали работать с транскрипциями разговоров, газетными статьями, протоколами экспертных советов и подобными текстами. Поясним, что под термином «естественная интеракция» имеется в виду, что таковая происходит в независимых от наблюдателя условиях и с его минимальным вмешательством. Тестом ее естественности может служить вопрос, о том состоялась ли бы данная интеракция в данном виде, если бы исследователь вообще не родился.

Конечно, использование записывающей техники может воздействовать на понимание участником ситуации и действий. Однако на практике существуют методики, минимизирующие влияние данной техники. Кроме того, подобные записи нельзя использовать непосредственно. Они должны быть транскрибированы, чтобы запись быстро читалась, чтобы ее разделы могли быть сопоставлены и чтобы она подлежала воспроизводству в отчетах и публикациях. Транскрипт как реконструкция не может заменить скрипт, или оригинальную запись; наиболее плодотворной оказывается параллельная работа с обоими.

Ведь транскрипт, как показывает Е. Окс [49], не является нейтральной калькой магнитофонной записи. Различные системы транскрибирования выделяют разные черты интеракции. Например, исследователь, ориентированный на речевую терапию, использует систему фонетической записи; социолингвист, изучающий многообразие проявлений языка, транскрибирует особенности акцента. В какой же системе нуждается дискурс-аналитик? Согласно одному из подходов, дискурс-анализу, направленному на широкие тематические содержания типа интерпретативных репертуаров, достаточно базовой лексической схемы и стандартных знаков препинания, а также специальных значков для фиксации необычных свойств речи (поправок и запинок). Если же анализ направлен в большей мере на специфику интеракции, то он должен воспроизводить длину паузы, ударения, интонации, наложение речи и т.п. Хотя в этом и есть определенный смысл, но такое различение типов транскрибирования не столько решает, сколько затушевывает серьезные методологические проблемы.

Прежде всего, строгие различия между содержанием речи и процессом интеракции провести трудно. Конечно, использование базовой схемы транскрибирования часто не позволяет схватить те свойства речи, в которых выражается обусловленность ее содержания процессом интеракции. Например, в случае исследовательского интервью порой неясно, в какой степени ответы респондентов являются продуктом деятельности самого интервьюера. Между тем одно из достоинств дискурс-анализа как раз и состоит в его принципиальной незавершенности и возможности пересмотра результатов. Самому читателю предлагается оценить сделанные аналитиком интерпретации путем обращения к фрагментам оригинальных записей, или скриптов. И даже если аналитик не учел специфику интеракции, то читатель должен иметь возможность сделать свои суждения на основе исходных материалов. К интеракции между респондентом и аналитиком добавляется, тем самым, интеракция между аналитиком и читателем: одна рефлексия дополняется и уточняется с помощью последующих и альтернативных рефлексивных актов.

Говоря о требовании более широкого подхода к транскрипции, нужно подчеркнуть, что выполнение качественной транскрипции является трудным и длительным процессом. Его почти невозможно оценить количественно по времени, поскольку многое зависит от качества записей и типа интеракции, однако специалисты сходятся примерно в отношении 1 : 20 (скрипт к транскрипту), не считая необходимого аналитического комментария. Система транскрибирования, наиболее распространенная в анализе разговора и затем в дискурс-анализе, была разработана Гейл Джефферсон. Для обозначения мимики, особенностей ритма, темпа, интонации и т.п. она использует стандартные символы и значки компьютерной клавиатуры, что позволяет учитывать реальные свойства речи (важную часть ситуативного контекста) в процессе интеракции (talk-in-interaction) и изображать их в письменном тексте [20], [39], [56]. И здесь возникает известная проблема соотношения теоретического и эмпирического знания. Для профессионального дискурс-аналитика, привыкшего к чтению транскриптов, обычный письменный текст вы-

ступает уже как непонятный феномен, которому одновременно недостает и живой подлинности, и методологически проработанной реконструкции. Он кажется искусственным, стерильным, лишенным речевого контекста и в то же время неточным, неопределенным для понимания, а поэтому недотягивающим до статуса объективного и надежного источника.

ИСТИНА И ОБОСНОВАННОСТЬ

Принято считать, что последовательных дискурс-аналитиков не должны всерьез волновать проблемы метатеоретического характера, поскольку доминантой для них всегда остается прагматический принцип практической полезности и эффективности. И, тем не менее, как мы видели выше, вопрос об объективности исследования активно дискутируется в данном контексте. Это касается и других общеметодологических понятий, к которым относятся прежде всего понятия истины и эпистемической надежности.

Понятия истины (validity) и эпистемической надежности, или обоснованности (justifiability) приобретают самые разные — повседневные и технические — смыслы в рамках традиционной психологии. Под надежностью понимается количественная определенность, которую обеспечивают методики типа тестовых корреляций. Например, в отечественной психосемантике, занятой анализом политических партий [10], первичная обработка данных состоит в группировке протоколов участников опроса по их политической принадлежности и суммировании индивидуальных протоколов в групповые в форме таблицы. По каждому пункту опросника (по строкам таблицы) подсчитываются средние значения оценок для каждой политической партии. Кроме того, вычисляется средняя дисперсия по всем пунктам опросника (по столбцам таблицы) в рамках каждой партии, а также и величина, обратная ей (мера единодушия), характеризующая степень согласованности политических установок. И, наконец, факторно-аналитическая обработка данных с целью построения семантического пространства всех политических партий проводится методом главных компонент с поворотом факторных осей методом варимакс со ссылкой на соответствующие математические труды [3].

Истинность в психологии часто трактовалась как соответствие результатов (конгруэнция, триангуляция), полученных при использовании различных исследовательских методов. Для дискурс-анализа такое понимание надежности и истинности оказывается неработающим в силу неколичественного характера используемых методов и альтернативных теоретических допущений. Вообще эти два методологических требования не специфичны для дискурс-анализа. Скорее, на статус методологического регулятива могут претендовать, по мнению Дж. Поттера [52], четыре следующих: *требование учета девиантных случаев, понимание участников, когерентность и оценка читателя*.

Анализ дискурса часто имеет дело с набором случаев — формами проявления некоторого феномена, исследование которых призвано обнаружить некоторую регулярность. Одним из наиболее полезных случаев является тот, который отклоняется от известного порядка. Однако опровержением этого порядка такие девиантные случаи являются отнюдь не обязательно; напротив, некоторые их характеристики могут способствовать подтверждению данной регулярности [37]. Например, среди дискурс-аналитиков принято исходить из того, что респонденты, интервьюируемые по поводу некоторых событий, обычно избегают приписывать ответственность интервьюеру за взгляды, выражаемые в его вопросах [38]. Если же респондент предъявляет претензии интервьюеру по поводу содержания вопроса, это может создать серьезные трудности для их взаимопонимания. И тогда этот девиантный случай показывает необходимость стандартного порядка, принятого для отношений респондента и интервьюера.

Дискурс-анализ — это типичная интеракция, в которой происходит социальное конструирование реальности [1]. Одним же из факторов, способов и уровней социального конструирования реальности является *легитимизация* (социальных институтов, смыслов), т.е. их субъективное понимание и принятие индивидами. Так, в дискурс-анализе, как и в анализе разговора, одним из важных моментов оказывается использование того, как собеседники понимают друг друга. Аналитик не может ограничиться тем, чтобы рассматривать только тот смысл, который он сам вкладывает в содержание собственной речи. Адекватный анализ должен в неменьшей мере учитывать и то, как данную речь воспринимает и понимает собеседник. Именно это понимание обеспечивает проверку интерпретации дискурса. Конечно, следует учесть, что само взаимопонимание не дается непосредственно благодаря обмену репликами. Каждый ответ собеседника должен быть адекватно понят, и, следовательно, проинтерпретирован и вновь проверен с помощью вопроса к собеседнику. Интерпретация, понимание и проверка составляют поэтому непрерывную и, по сути, бесконечную цепь разговора, смысл которого может измениться в любой момент. Дискурс-анализ тем и отличается от анализа текста, что первый имеет в виду это живое течение диалогической речи, остановка которой омертвляет и даже вообще лишает ее смысла.

Когерентность в анализе разговора и дискурса выступает как присущее им свойство кумулятивности. Исследования объединяются в линейную последовательность так, что более поздние работы основываются на предыдущих. Каждая новая работа, релевантная для понимания речевых интеракций, является проверкой адекватности предшествующих; каждая новая задача решается, исходя из ранее полученных результатов. Дискурс-аналитики восстанавливают, тем самым, известный в философии науки принцип кумулятивизма, который был отвергнут К. Поппером и Т. Куном. И этот кумулятивизм еще более сильного характера, поскольку работает в обе стороны и, в сущности, представляет собой кольцо в рассуждении. Данный способ самообоснования и избыточного самоцитирования, типичный для ранних стадий всякой научной дисциплины, не будучи преодолен в ее последующем развитии, оказывается также верным признаком псевдонаучного знания.

И, наконец, наиболее важным и четким требованием истинностной оценки дискурс-анализа является презентация исчерпывающих исследовательских материалов (оригинальных скриптов, черновиков транскрибирования и т.п.), позволяющих читателям исследования судить об адекватности итоговых выводов. Именно благодаря презентации деталей и контекста дискурса они в состоянии понять его специфическую интерпретацию. Этим дискурс-анализ отличается, к примеру, от этнографического исследования, в котором интерпретации принимаются читателем в основном на веру, а приводимые данные уже прошли теоретическую обработку. То же самое справедливо и в отношении традиционной экспериментальной работы (фольклористики, диалектологии и контент-анализа), в которых практически не представлены «сырые» данные и редко приводится более одного—двух оригинальных, еще не раскодированных сообщений. В то же время читатели, оценивающие результаты дискурс-анализа, являются, как правило, достаточно опытными участниками интеракций с широкой палитрой культурной компетенции: им приходилось давать интервью, быть членами локальных языковых сообществ, получателями специфических речевых сообщений и пр. Поэтому они в состоянии вынести не только абстрактные суждения по поводу соответствия интерпретации исходному материалу. В качестве экспертов они могут оценивать адекватность более общих утверждений дискурс-аналитиков, в частности, их эпистемологические представления об истинности и обоснованности вообще.

Впрочем, согласно Дж. Поттеру, эти четыре требования не гарантируют истинности дискурс-анализа, поскольку в науке, как показывают социологи научного знания, подобных гарантий вообще не существует. Истина в понимании речи собеседника — зыбкое ощущение, возникающее в узких границах анализируемого дискурса и способное разрушиться от всякого нового вопроса или ответа.

ИНТЕРАКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

К дискурс-анализу едва ли стоит относиться только как к продукту лингвистической экспансии в психологию. Он есть в не меньшей мере результат развития интеракционистской традиции, которая уже давно укоренилась в самой психологии. Группа Пало Альто и, позднее, целые психологические направления позаимствовали из социальной психологии Дж.Г. Мида и социальной антропологии Г. Бейтсона (а также из интерпретативной антропологии К. Гирца) такие понятия, как «коммуникативное взаимодействие», «язык как средство социальной коммуникации», «рефлексирующий индивид», «внутренний диалог между различными ипостасями «я» и «меня». Л.С. Выготский, М. Бахтин, К. Бюлер на свой лад развивали интеракционистские идеи на стыке психологии и лингвистики. Современный критический анализ места и роли дискурс-анализа в психологии и гуманитаристике вообще призван заново осмыслить эти исходные теоретические шаги и степень их позитивной реализации.

Как мы видели, в дискурс-анализе *объект* исследования — дискурс — рассматривается как интерактивный феномен. Однако к самому *методу* анализа требование интерактивности предъявляется отнюдь не всегда; *метод может не являться дискурсом вообще*. Дискурс-аналитик нередко сохраняет характерный для классической психологии статус молчаливого и объективного наблюдателя, по возможности лишенного также теоретических предпосылок и гипотез. Это мало согласуется с общей методологией исследования сложных саморазвивающихся объектов, наделенных, помимо всего, еще и сознанием. И только там, где психологический анализ тесно связан с практикой психотерапии и фактически превращается в психоаналитический дискурс, требование интерактивности приобретает симметрию и начинает относиться в равной степени к объекту и методу.

Обзор применения дискурс-анализа в психотерапии дает украинский психолог Н.Ф. Калина [4]. Так, она отмечает, что хотя любая психотерапевтическая деятельность осуществляется «в поле речи и языка», но сама речь в качестве основного орудия психотерапевта и язык как семиотическая система, благодаря которой возможно психотерапевтическое (как, впрочем, и всякое другое) общение, не были предметом специального исследования в теории психотерапии. И даже если на практике некоторые лингвистические идеи используются в ряде течений (нейролингвистическое программирование, эриксонианство, структурный психоанализ Ж. Лакана), то все же уровень осмысления и понимания их весьма невысок.

Поэтому для психологии важно различение, по крайней мере, двух основных способов понимания дискурса как объекта исследования гуманитарных наук. В рамках *лингвистической* модели дискурс выступает как объект, за которым исследователь открывает следы субъекта речи и языка, автора высказывания, формы присвоения языка говорящим субъектом. В рамках *психологической* модели дискурс понимается как способ языкового конституирования субъекта, единственный репрезентант его внутреннего опыта. Лингвистический подход в терапии естественно сочетает эти две непротиворечивые и взаимно дополняющие друг друга точки зрения.

Психотерапевтическое взаимодействие, утверждает Н.Ф. Калина, представляет собой *дискурсивную практику* — специфическую форму использования языка

для производства речи, посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей действительности, трансформация системы личностных смыслов субъекта. В таком случае сущность не только психотерапевтического, но и других близких по задачам дискурсов (философского, педагогического, магического, просто дружески-участливого разговора) состоит в артикуляции собеседниками картины мира, затем в изменении представлений слушателя (клиента) о мире и себе самом, благодаря чему он может, получив новые знания, выработать продуктивные мнения и установки и сформировать наиболее эффективные и удовлетворяющие его отношения к людям, вещам и событиям. Однако, соглашаясь с важностью дискурса для психотерапии, нельзя не увидеть в подходе Н.Ф. Калиной определенное преувеличение роли языковых средств в психоанализе и невнимание к неклассическим (телесно ориентированным и прочим невербальным методам). Мы увидим в дальнейшем, как это скажется на ее общем понимании предмета психотерапии.

Дискурс-анализ в трактовке Н.Ф. Калиной выступает в значительной степени как средство методологической рефлексии, явно ориентированное на перенос в психологию ряда идей М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Так, все многообразие форм, направлений, школ и подходов в психотерапии рассматривается ею как система дискурсивных практик, объединенных родственными принципами. Тогда предметная системность психотерапии выступает как лотмановская *семиосфера* — отграниченное, гетерогенное семиотическое пространство бытия психотерапевтических целей и ценностей. Именно семиосфера управляет процессами семиозиса в психотерапевтической деятельности, обеспечивает возможность взаимопонимания терапевтов различных школ, теоретического и практического обобщения психотерапевтического опыта. Она же задает направление рефлексии о предмете, целях и задачах терапевтического воздействия, которые, по мнению Н.Ф. Калиной, существенно расширяются под влиянием методологии дискурс-анализа.

Можно согласиться с тем, что общая схема анализа дискурса в психотерапии определяется спецификой интеракции и задачами психотерапевтической помощи. Терапевт и в самом деле должен владеть навыками анализа содержательной стороны речи клиента, уметь выделять бессознательные проявления личностных концептов и моделей, лежащих в основе психологических трудностей, а также понимать лингвистические и семантические механизмы производства высказываний, в которых находят отражение эти проблемы. Дискурс же самого психотерапевта строится так, чтобы в процессе терапевтического взаимодействия клиент учился понимать роль неосознаваемых элементов внутреннего опыта в возникновении своих проблем и находить продуктивные способы их разрешения. Между тем нельзя не поспорить с Н.Ф. Колиной в том, что касается понимания самого дискурса, в котором доминирует явно выраженная двусмысленность. Так, с одной стороны, психотерапевтический дискурс является способом использования и анализа речи, что фактически исчерпывает собой терапевтическую процедуру. С другой стороны, в речи следует видеть то, что выходит за ее пределы, а это предполагает, что терапевт обладает и другими методами, способными дать независимое подтверждение (опровержение) анализу речи. И тогда психотерапия не исчерпывается дискурс-анализом, что противоречит исходному тезису автора. Выход из этого парадокса подсказывает психотерапевтическая практика, не ограничивающаяся дискурс-анализом, но использующая его в контексте других методов (анализа визуальных образов, телесных позиций, пространственно-временных структур коммуникации). Анализ такого рода практики зафиксирован, к примеру, в транскрипте случая, который Е.Т. Соколова назвала «Где живет тошнота?». В нем значимую роль играет указание на мимику, жестикуляцию и прочие

поведенческие акты пациентки, иллюстрирующие ее речь и являющиеся одновременно самостоятельным предметом интерпретации. (Характерно, что эти внелингвистические факты в существенно меньшей мере отражены в транскрипции дискурса терапевта [12; 190—194]).

До некоторой степени внелингвистические факторы дискурса учитываются Н.Ф. Калиной в форме *принципа субъектности,* характерного для анализа дискурса как объекта скорее психологии, чем чистой лингвистики. Впрочем, «чистая лингвистика» все равно понимается автором слишком узко, как точка зрения, согласно которой повседневное использование языка людьми (речь) не должно интересовать науку о языке (этого нет даже у Ф. Соссюра, признающего значение диахронной лингвистики). Так или иначе, но принцип субъектности восстанавливает в правах автора и хозяина языковой реальности. Это позволяет фокусировать анализ дискурса на закономерностях семиозиса в психотерапии и показать его существенное отличие от традиционных подходов лингвистической семантики. В самом деле: дискурс-анализ, или прагматика дискурса, имеет дело не с системой языка как способом коммуникации, но с живой речью как поступком, актом личностной активности. Именно в психотерапии говорить — это не столько обмениваться информацией, сколько налаживать общение, овладевать коммуникативной ситуацией, изменять систему представлений и поведение слушателя.

Иллокутивная (т.е. оказывающая воздействие на слушателя) функция актов речи психотерапевта и клиента может быть адекватно понята только в рамках семиотической целостности консультативного процесса, где синонимия и двусмысленность, семантическое и аргументативное значение высказывания, содержание пресуппозиций колеблются относительно некоего имплицитного центра, выражающего интенции обоих субъектов. Процесс высказывания, преобразующий язык (существовавший до этого только как возможность) в дискурс, подразумевает доминирующую роль субъекта не только в прагматике, но и в семантико-синтаксических отношениях. «Кто говорит?», «почему?» и «зачем?» — вот основные вопросы, которые задает себе, слушая клиента и контролируя свою собственную речь, лингвистически ориентированный терапевт. При этом желательно формулировать эти вопросы более детально. За «кто говорит?» может скрываться «Я», «Другой», «не-Я», «Оно», «Сверх-Я» и прочие модусы и ипостаси пациента и терапевта. Под «почему?» может располагаться широкий набор причин и условий, характеризующих коммуникативное пространство терапевтического дискурса. Вопрос о цели дискурса — «зачем?» — может быть дополнен вопросом о явных и скрытых мотивах («во имя чего?»), намерениях, промежуточных задачах. От способности поставить и проанализировать такого рода вопросы, а также предложить ответы, зависит ход и результат терапии.

Стремясь учесть эти обстоятельства, Н.Ф. Калина говорит далее еще о трех принципах лингвистически центрированной психотерапии, по сути, разворачивающих принцип субъектности. Так, следуя второму принципу — *диалогичности*, терапевт должен точно атрибутировать высказывание некоему субъекту, который во многих случаях вовсе не обязательно совпадает с сознательным *Я* (*Эго*) говорящего. Этот принцип, если следовать идеям М.М. Бахтина, можно назвать учетом *присутствия Другого.* Во всех случаях, когда один собеседник сказал нечто, чего вовсе не намеревался говорить, а его партнер услышал не то, что было произнесено (или не услышал произнесенного), мы имеем дело с удвоением участников диалога. Рефлексия по поводу *Другого,* влияние которого на смыслообразование имеет конститутивный характер, исходит из современного прочтения идей символического интеракционизма. Под влиянием глубинной психологии (особенно структурного психоанализа) эти идеи претерпевают существенное расши-

рение, затрагивая проблему субъекта, тесно связанную с его незнанием или неосознаванием как основного смысла высказывания, так и коннотативной семантики произнесенного.

Присутствие *Другого* является составной частью речи любого субъекта, причем их диалог в психотерапии чаще понимается как противостояние, взаимоисключение, а не взаимодействие. Связь с *Другим* заключает рефлексию смысла высказываний в очень жесткие рамки. Кроме того, субъект речи детерминирован своей связью с внешним миром, окружающей действительностью; это децентрализованный, расщепленный субъект, причем расщепление, вводящее *Другого,* имеет конституирующий (для субъекта) и структурирующий (для дискурса) характер. И здесь мы отсылаем к еще одному характерному случаю — фрагменту учебного тренинга по работе с проекцией и расщеплением когда участник группы называет неприятный ему объект «щепкой» [12; 182—184].

Психотерапевт, слушая в таких случаях речь клиента, обнаруживает, каким образом сама материальная структура языка позволяет зазвучать непредумышленной полифонии речи, через которую и можно выявить следы бессознательного. Когда клиент говорит, он использует язык, в том числе, и как поразительный способ пролиферации смысла, или иносказания. К его услугам полисемия, омонимия, безграничные просторы коннотативных значений, тропы. В ходе речевого взаимодействия всегда имеется что-нибудь дополнительное и непрошеное, и не только в случае оговорки, когда «другое означающее» занимает в цепочке место запланированного, а постоянно, за счет «эллиптичности», избытка смысла по сравнению с тем, что хотелось (и получилось) высказать. Поэтому-то ни один говорящий субъект не может похвастаться властью над многочисленными эхами произнесенного.

Лингвистически центрированная психотерапия возможна лишь постольку, поскольку клиенты *не в полной мере владеют языком*, но отдаются в его власть. В силу этого они говорят больше или меньше, чем знают, не понимают, что говорят, пытаются выразить невыразимое, и т.п. Дискурс весь пронизан бессознательным вследствие того, что структурно внутри субъекта имеется *Другой* и даже, следуя М. Бахтину, *Третий* (позиция рефлексирующего автора, трансцендентального субъекта, нечто вроде Супер-Эго З. Фрейда). Разведение позиций субъекта и *Другого,* или атрибуция дискурса одному из них, возможны чисто лингвистическим способом, при котором *Я* рассматривается как знак, или индикатив, указывающий в подлежащем на того, кто ведет речь. Соответственно, речь и символическое поведение терапевта могут быть обращены к субъекту, *Другому, Третьему* или адресоваться им всем одновременно. Так анализ дискурса позволяет ему в ходе беседы с клиентом включиться в полифонию составляющих ее голосов.

Третий принцип, выделяемый Н.Ф. Калиной, это *принцип идеологичности.* Понятие идеологии здесь используется как совокупность некоторых скрытых *идей,* влияние которых, не всегда и не полностью осознаваемое, обусловливает смысл высказываний, слагающих дискурс. Идеи, выступающие как вторичные означающие дискурса, располагаются в пространстве коннотативной семантики высказываний и определяют скрытый смысл речи, который способен заменить и вытеснить явный в любой момент. Идеологичность в особенности отличает клиентов с повышенным уровнем лингвистической и культурной компетентности, которые в своей речи избыточно демонстрируют ее для затушевывания и даже компенсации наличной проблемы. В психотерапии искусство консультанта должно быть выше способности клиента «жонглировать» скрытым смыслом своего дискурса, иначе терапевт не сможет проводить осознанную стратегию воздействия и рано или поздно окажется в плену бессознательных намерений своего собеседника.

Изучение различных способов идеологической «деформации» дискурса клиента позволяет терапевту наметить конечную цель психотерапии. Изучая и учитывая коннотативные смыслы, последний лучше понимает, совокупность каких бессознательных идей (содержаний, мотивов) пропитывает речь пациента, и может прямо указать на них, выступив в роли «критика идеологии» и осуществив тем самым демистификацию совместного дискурсивного пространства.

Наконец, *принцип интенциональности* предполагает понимание сознательных и учет бессознательных интенций клиента как полиморфного субъекта высказываний. Даже небольшие по объему фрагменты дискурса пациента обычно содержат множество различных, часто противоположно направленных и даже взаимоисключающих намерений и стремлений. Процесс вытеснения, безусловно, определяет основные противоречия, связанные с желанием одновременно высказать и утаить бессознательные означаемые, связанные с личностью клиента и историей его жизни. В этой связи стоит подчеркнуть как раз роль диалогического дискурса: «Как психотерапевтическая процедура, диалог является универсальным способом восстановления контакта с отторгнутыми и отчужденными аспектами Я-образа. Вынесенный вовне (т.е. в речь и связанную с ней деятельность. — *И.К.*), он строится вначале как диалог с внешним объектом или отчужденной частью тела, которым пациент бессознательно атрибутирует качества «не-Я». Инициируя практически-действенные отношения с этим объектом, в которых пациент чувственно переживает его во всех модальностях сначала как неподобного себе Другого, терапевт фасилитирует идентификацию с ним как с отвергнутой частью Я пациента и последующие отношения с ней, но теперь уже на интрапсихическом уровне» [12; 182].

Помимо принципа субъектности и его модификаций как основы психотерапевтического дискурс-анализа, следовало бы, по-видимому, выделить что-то вроде *принципа контекстуальности*. Дело в том, что и для терапевта, и для клиента актуальный дискурс всегда соотносится с лингвистическим, культурным и социальным контекстами, т.е. с «уже сказанным» и «уже слышанным», «уже прожитым» и «уже испытанным», а также с потенциальными контекстами надежд, целей, стремлений, ожиданий. Эти особенности пресуппозиций и импликаций конкретного дискурса иногда именуют *преконструктом*[5].

Идея преконструкта, очевидно, обязана теории личностных конструктов Дж. Келли [41], который, по-видимому, заимствовал термин «конструкт» из конструктивистской методологии науки (Г. Динглер). Конструкт, по мнению Дж. Келли, образует элементарную единицу мышления, аналогичную понятию, принятому за единицу мышления Л.С. Выготским. Однако в отличие от понятия, которое извлекает из объектов некую общую характеристику, оставляя различие в стороне, в конструкте обобщение и различие имеют место одновременно. Введя понятие конструкта, Дж. Келли объединил две функции сознания — функцию обобщения (установления сходства, абстрагирования) и функцию противопоставления. Дж. Келли подчеркнул важную особенность функционирования индивидуальных значений: когда мы выделяем, называем, утверждаем, мы всегда имеем в виду и нечто конкретное, противоположное данному, актуализированное в настоящий момент. Утверждая, мы в то же время отрицаем, говоря, к примеру, что человек честен, мы подразумеваем, что он не плут. Далеко не всегда, определяя для себя ясно противоположный полюс, мы воспринимаем объекты в их сходстве между собой и отличии от других [8].

---

[5] Я бы определил преконструкт, если иметь в виду приемлемость лингвистической терминологии, как сумму смысловых потенциалов контекстуализации и деконтекстуализации дискурса. Аналогии с термином «преконструкт» просматриваются у лингвистической «пресуппозиции» и герменевтическом «предпонимании», также фиксирующих отнесенность к контексту.

Именно контраст отличает конструкт, он дихотомичен по своей сути. В современной психологии конструкт определяется как «классификационно-оценочный эталон, сконструированный человеком, проверенный (валидизированный) им на практике, с помощью которого осуществляется восприятие и понимание окружающей действительности, прогноз и оценка событий. В самом общем виде конструкт — это биполярный признак, альтернатива, противоположные отношения и способы поведения» [15; 7].

Принцип биполярности конструкта — фундаментальный принцип теории Дж. Келли: оценки людей и событий через призму оппозиций максимально информативны для целей предсказания, поскольку позволяют видеть не только нечто данное, но и противоположное этому — альтернативный способ поведения, вещь или качество. Вербализация испытуемым противоположных полюсов конструкта «отсекает» составляющие общепринятых значений, не укладывающиеся в представления конкретной личности и, таким образом, позволяет исследователю понять ее. Кроме того, биполярность делает конструкт одновременно и мерной шкалой. Как правило, конструкт — не просто дискретная оппозиция, зачастую он задает континуум некоторого свойства, и с помощью приложения конструкта объекты можно расположить между полюсом сходства и полюсом различия, т.е. «измерять» объекты, а не только судить об их включенности и невключенности в некоторый класс [9]. Восприятие индивидом конкретных жизненных явлений, объектов, поступков и т.п. («элементов», в терминах метода репертуарных решеток) происходит с помощью системы созданных им и пригодных в данной конкретной области конструктов, внутри которой факты приобретают смысл.

Данный экскурс, касающийся понятия конструкта, призван напомнить, что принципы учета девиантных случаев и диалогичности, принимаемые дискурс-аналитиками в качестве основных, производны от принципа биполярности конструкта Дж. Келли. Кроме того, биполярность конструкта в контексте психоанализа имеет смысл понимать не просто как его субстанциональное свойство, но как результат первоначального расщепления психических содержаний на «хорошие» и «плохие», которые проецируются на внешний по отношению к дискурсу мир.

Однако дискурс клиента, рассказывающего о себе и своей жизни, это не только и не столько истина, или истинное описание реальности; это, скорее, истинное выражение экзистенции, если использовать язык Ж.-П. Сартра. Впрочем, Г.Г. Шпет намного раньше говорил об укорененности смысла в бытии; об «участности» мышления в бытии специально писал М.М. Бахтин. Наконец, Л.С. Выготский, вводя эти идеи в психологию, утверждает положение о бытийности мышления и смысла[6] . Из этого идейного контекста следует, что психотерапевт имеет дело не столько с данностью, которая заключает в себе объект дискурса, но и с субъектом дискурса; он анализирует основания той субъективной реальности, которая раскрывает себя в дискурсе клиента. Никто и никогда не обращается по поводу одной-единственной, локальной проблемы, ни один рассказ не является точным и однозначным, ни одно высказывание, даже самое простое, не имеет единственного смысла, точного значения. Наиболее часто встречающийся в психотерапевтическом дискурсе речевые обороты — «вы понимаете?», «я ведь имею в виду...», «именно в этом смысле» и т.п. Они подчеркивает наличие герменевтической ситуации понимания, которая не может выступать иначе как *непонимание*.

Сужение сферы непонимания — вот какую задачу приходится решать психотерапевту каждый раз, когда он слушает клиента. Любой текст включает множество не только смыслов, но и способов их передачи, он сплетён из необозримого ко-

[6] Подробнее о перекличке этих идей см. статью В.П. Зинченко [2].

личества культурных символов, аллюзий, отсылающих ко всему необъятному полю жизни как культурному феномену. Иными словами, и говорящий, и слушающий (клиент, терапевт) едва ли отдают себе отчет в том многообразии оттенков значений и смыслов, которое ярко вспыхивает и тускло мерцает на каждой грани текста. Поэтому, если в рамках психотерапии можно вообще поставить вопрос об истине, то ею оказывается не соответствие образа пациента его реальному состоянию, но целостная картина исследуемого индивида, представленная в многообразии коммуникативных актов. Эту картину лингвистически центрированная психотерапия призвана строить путем анализа коммуникации и понимания ее предметного и экзистенциального смысла для клиента, а в пределе — и для аналитика. Однако согласится ли психотерапевт с тезисом о симметричности принципа интенциональности, т.е. с тем, что психоаналитическая процедура в той же степени имеет своим предметом и клиента, и самого аналитика?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение того, как происходит использование дискурс-анализа в психологии и психотерапии, выявляет эустоявшиеся теоретические и методологические альтернативы. «Так, — указывает Е.Т. Соколова, — в очевидной оппозиции находятся психоанализ и когнитивно-бихевиоральная терапия с их пере- и недооценкой психотерапевтических взаимоотношений. Смещение акцента с “там и тогда” на “здесь и теперь”, изменение плоскости межличностного взаимодействия с “наклонной” на “горизонтальную”, представление о ценности экзистенциальной “встречи” в противовес символическим имаго-насыщенным трансферентным отношениям открывает противоречия между психодинамической и гуманистической парадигмами» [12; 195]. Искомая интеграция этих подходов в практической психологии идет не в последнюю очередь с помощью поли- и междисциплинарного взаимодействия. В частности, использование дискурс-анализа в психологии формирует общее с лингвистикой и социологией предметное и методологическое пространство. При этом дискурс-анализ ведет к переоткрытию и частичному переосмыслению ряда положений философской герменевтики и феноменологии, а также их интерпретации в контексте аналитической философии языка. Использование дискурс-анализа расширяет предметные и методологические границы психологии и представляет собой, по всей видимости, шаг на пути к исследованию реального человека и его психики в естественных условиях. Это гораздо сильнее приближает психологию к натуралистическому, т.е. подлинному естественнонаучному исследованию, чем самые изысканные математические методы и утонченные компьютерные модели. Однако все это не сообщает психологии большей концептуальной определенности и методологической последовательности, и неясно, рассматриваются ли дискурс-аналитиками пусть самые общие требования научной рациональности как существенные и релевантные вообще.

Кроме того, на фундаментальный вопрос о том, как связаны языковые феномены с психическими, дается такой ответ, который, несмотря на все оговорки, редуцирует предмет психологии к предмету лингвистики дискурса. Положение о том, что дискурс говорящего есть единственный источник знания о его внутреннем опыте, принимается как само собой разумеющееся, хотя оно несет в себе неизжитые бихевиористские заблуждения. При этом вопросу о различии языкового и внеязыкового содержания и контекста дискурса не придается должного внимания так же, как и различию дискурса и текста. Психотерапевт догадывается о том, что речь живого общения и написанный текст разделяет бездна истолкования, но эта догадка не получает должного методологического осмысления. Пусть необходимость различать в психоанали-

тической интеракции дискурс терапевта и дискурс клиента уже приобретает явную артикуляцию, причем терапевт убежден в возможности познания внутреннего мира клиента путем анализа его дискурса. Однако подлинным предметом дискурс-анализа должен выступать *не изолированный дискурс клиента, но ситуация речевой интеракции терапевта и клиента в определенном ситуативном и культурном контекстах*. Это и превращает результат психоаналитического познания в экзистенциальное событие. Терапевт познает себя в процессе терапии не меньше, чем клиента, а клиент познает терапевта не менее, чем самого себя. Взаимное самопознание — вот как можно обозначить процесс психологического дискурс-анализа, в котором дискурс как метод и как предмет исследования постоянно меняются местами. Именно эта диалектика дискурса не позволяет свести новые качественные методы в психологии к науке и требует индивидуального, неалгоритмического искусства творческого общения.

З. Фрейду принадлежит примечательная фраза, фиксирующая отличие психоанализа от всех других, «объективных» видов медицинского исследования и лечения — анатомии, хирургии, фармакологии и даже психиатрии: «При аналитическом лечении не происходит ничего, кроме обмена словами между пациентом и врачом» [16; 8]. Как представляется, тем самым З. Фрейд зафиксировал важнейший элемент психологии человека вообще, ее неотъемлемость от дискурса. Однако для лингвиста именно слово является той самой реальностью, которая призвана обеспечить объективность исследования. Отсюда путаница с проблемой объективности в лингвистике, с одной стороны, и в психологии — с другой. Здесь уместен парафраз известной поговорки: что лингвисту хорошо, то психологу смерть. Психологу, занимающемуся анализом дискурса, еще только предстоит возвыситься до *подлинно критического лингвиста*, чтобы перестать буквально воспринимать многие положения современных теорий языка, которые сами далеки от истины в последней инстанции.

Итак, *как можно кратко сформулировать методологическую проблему дискурса в психологии*?

Во-первых, эта проблема порождается соотношением предмета и метода психологии. Дискурс, выступая объектом исследования психолога, неизбежно оказывается и его методом. Однако это по-настоящему осознается только в психотерапии, которая представляет собой тип интерактивного взаимодействия терапевта и клиента. В других психологических направлениях, занятых анализом дискурса, неявно сохраняется установка так называемой объективной психологии, согласно которой субъективность исследователя должна быть сведена к минимуму и потому не является предметом осознания и рефлексии. Однако минимизировать субъективность невозможно без ее осознания, равно как невозможно исследовать дискурс как объект, не прибегая к дискурсу как методу. И это требует оборачивания психотерапевтической установки на психологию вообще.

Во-вторых, дискурс-анализ по-новому ставит вопрос о соотношении общего и особенного. Слово способствует взаимопониманию, но не потому, что содержит единый для собеседников смысл, а в силу того, что дает спектр многообразных смыслов, задающих поле коммуникации. Это актуализирует для психолога философско-методологическую проблематику теоретического и эмпирического знания, индукции и дедукции, интерпретации, объяснения, а также требует от философа продвижения в анализе методологии гуманитарных наук.

В-третьих, логикой дискурса оказывается не внешний регламент сознания и речи, но внутренне присущие им структуры, природа которых с трудом поддается познанию в силу своей постоянной изменчивости. Эта логика выходит за пределы языка в сферу совокупного человеческого бытия, это «логика жизненного

мира». Ее можно только эмпирически описывать и типологизировать с помощью цепочек семейных сходств, что принципиально ограничивает возможности теоретизации.

Из этого следует, в-четвертых, плохая переводимость результатов дискурс-анализа на язык «объективной» психологии и обратно. Требование такого рода переводимости выступает в качестве догматических стандартов рациональности и, по-видимому, должны быть заменены сознанием невозможности радикального перевода, а также принятием принципов несоизмеримости и дополнительности разных научных языков.

И, наконец, в-пятых, принципиальный урок дискурс-анализа для «объективной» психологии состоит в возможном осознании той роли, которую во всякой психологии (и науке вообще) играет формальная, а главным образом и неформальная коммуникация — то, что Н. Бор называл «копенгагенскими чаепитиями». Элементы такой коммуникации не только влияют на отбор фактов и теоретических гипотез, но и непосредственно включаются в объективированные и опубликованные результаты исследований.

Таким образом, развитие дискурс-анализа закрепляет раскол психологии на два лагеря, но, быть может, это будет способствовать укоренению в ней принципов диалогического общения?

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
2. *Зинченко В.П.* Мысль и Слово: подходы Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета (ч. 1) // Психол. наука и образование. 2003. № 4. С. 3—19.
3. *Иберла К.* Факторный анализ. М.: Статистика, 1980.
4. *Калина Н.Ф.* Анализ дискурса в психотерапии // Журн. практич. психол. и психоанализа. 2002. № 3. С. 90—97.
5. *Касавин И.Т.* Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология & философия науки. 2006. Т. X. № 4. С. 5—16.
6. *Касавин И.Т.* Дискурс и хаос. Проблема титулярного советника Голядкина // Психология. 2006. № 1. С. 3—18.
7. *Касавин И.Т.* Дискурс: специальные теории и философские проблемы // Человек. 2006. № 3. С. 3—16.
8. *Келли А.Дж.* Теория личности. СПб.: Речь, 2000.
9. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Смоленск: Изд-во Смоленского ун-та, 1997.
10. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ общественного сознания. Смоленск: Изд-во Смоленского ун-та, 1997.
11. *Соколова Е.Т.* Метод диалога со значимым другим // Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995.
12. *Соколова Е.Т., Николаева В.В.* Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995.
13. *Тарарухина М.И., Ионцева М.В.* Техника репертуарных решеток Дж.Келли // Социология: 4М. 1997. № 8. С. 114—138.
14. *Улановский А.М.* Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология & философия науки. 2006. № 4. С. 129—141.
15. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1986.
16. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.
17. *Харрé* Р. Союз дискурсивной психологии с нейронаукой // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. VI. № 4. С. 38—63.
18. *Antaki C.* Arguing and explaining the social organization of accounts. L.: Sage, 1994.
19. *Atkinson J.M.* Our master’s voices: The language and body language of politics. L.: Methuen,1984.
20. *Atkinson J.M., Heritage J.* (eds). Structures of social action: Studies in conversation analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press,1984.
21. *Billig M.* Arguing and thinking: A rhetorical approach to social psychology. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987.
22. *Billig M.* Prejudice, categorization and particularization: From a perceptual to a rhetorical approach // Eur. J. of Soc. Psychol. 1985. N 15. P. 79—103.
23. *Billig M.* Rhetorical and historical aspects of attitudes: The case of the British monarchy // Philosophical Psychol. 1988. V 1. P. 83—103.
24. *Bühler K.* Sprachtheorie. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag,1934.
25. *Chandler J. Davidson A., Harootunian H.* (eds). Questions of evidence: Proof, practice, and persuasion across the disciplines. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
26. *Coulter J.* Mind in action. Oxford: Polity,1989.

27. *Delamont S.* Fieldwork in educational settings. L.: Falmer, 1992.
28. *Denzin N., Lincoln Y.* Handbook of qualitative research. Newbury Park, CA: Sage, 1994.
29. *Drew P.* Descriptions in legal settings // Drew P., Heritage J. (eds). Talk at work: Interaction in institutional settings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
30. *Edwards D.* Script formulations: An analysis of event descriptions in conversation // J. of Language and Soc. Psychol. 1994. N 13. P. 211—247.
31. *Edwards D., Potter J.* Language and causation: A discursive action model of description and attribution // Psychol. Rev. 1993. 100. P. 23—41.
32. *Fairclough N.* Critical Discourse analysis. L.: Longman, 1995.
33. *Gergen K.* Realities and relationships: Soundings in social construction. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1994.
34. *Gilbert G. N., Mulkay M.* Opening Pandora's box: A sociological analysis of scientists' discourse. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.
35. *Gill R.* Justifying injustice: broadcaster's accounts of inequality in Radio // Burman E., Parker I. (eds). Discourse analytic research: Repertoires and readings of texts in action. L.: Routledge,1993.
36. *Harré R.* Social being: A theory for social psychology. Oxford, 1983 // Coulter J. Mind in Action. Oxford: Blackwell,1989.
37. *Heritage J.* Explanations as accounts: A conversation analytic perspective // Antaki C. (ed.). Analysing everyday explanation: A case book of methods. L.: Sage,1988.
38. *Heritage J., Greatbatch D.* Generating applause: A study of rhetoric and response at party political conferences // Amer. J. of Sociol. 1996. V. 92. P. 110—157.
39. *Jefferson G.* An exercise in the transcription and analysis of laughter // van Dijk T. (ed.) Handbook of discourse analysis. V. 3. L.: Academic Press, 1985.
40. *Jorgensen M., Phillips L.* Discourse Analysis as Theory and Method. Sage, 2002.
41. *Kelly G.* The psychology of personal constructs. N.Y.: Routledge, 1955.
42. *Levinson S.* Pragmatics. Cambridge: Cambridge Univ. Press,1983.
43. *Marshall H., Raabe B.* Political discourse: Talking about nationalization // Burman E., Parker I. (eds). Discourse analytic research: Repertoires and readings of texts in action. L.: Routledge,1993.
44. *Marshall C., Rossman G.* Designing qualitative research. Newbury Park, CA: Sage, 1989.
45. *Maxwell J.* Qualitative research design: An interactive approach. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996.
46. *May P.T.* (ed.) Qualitative Research in action. L.: Sage, 2002.
47. *Morris Ch.* Signs, Language and behavior. N.Y.: Prentice Hall, 1946.
48. *Nofsinger R.E.* Everyday conversation. L.: Sage, 1991.
49. *Ochs E.* Planned and unplanned discourse // Discourse and syntax. N.Y.: Academic Press,1979. P. 51—80.
50. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* The new rhetoric. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1971.
51. *Pomerantz A.* Mental concepts in the analysis of social action // Research on Language and Social Interaction. 1990/1991. V. 24. P. 299—310.
52. P*sathas G., Anderson T.* The «practices» of transcription in conversation analysis // Semiotica. 1990. V. 78. P. P. 75—99.
53. *Potter J.* Discourse analysis and constructionist approaches: Theoretical background // Richardson J.T.E. (ed.). Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences. Leicester: BPS Books, 1996.
54. *Potter J., Reicher S.* Discourses of community and conflict: The organization of social categories in accounts of a «riot» // Brit. J. of Soc. Psychol. 1987. V. 26. P. 25—40.
55. *Potter J., Wetherell M.* Accomplishing attitudes: Fact and evaluation in racist discourse // Text. 1988. V. 8. P. 51—68.
56. *Potter J., Wetherell M., Gill R., Edwards D.* Discourse — noun, verb or social practice? // Philosophical Psychol. 1990. V. 3. P. 205—217.
57. *Sacks H.* Lectures on Conversation: 2 Vols. Oxford: Blackwell, 1992.
58. *Schegloff E.A.* Repair after next turn: The last structurally provided defense of intersubjectivity in conversation // Amer. J. of Sociol. 1992. V. 97. P. 1295—1345.
59. *Schratz M., Walker R.* Research as social change. L.: Routledge, 1995.
60. *Shotter J., Gergen K.* Series blurb // Sarbin T.R., Kitsuse J.I. (eds). Constructing the Social. L.: Sage, 1994.
61. *Smith L.T.* Decolonizing methodologies: Research and indigenous peoples. L.: Zed Books, 1999.
62. *Wetherell M., Potter J.* Mapping the language of racism: Discourse and the legitimation of exploitation. Brighton: Harvester/Wheatsheaf; N. Y.: Columbia Univ. Press, 1992.
63. *Wetherell M., Stiven H., Potter J.* Unequal egalitarianism: A preliminary study of discourses concerning gender and employment opportunities // Brit. J. of Soc. Psychol. 1987. V. 26. P. 59—71.
64. *Wolf D.* (ed.) Feminist dilemmas in fieldwork. Boulder, CO: Westview, 1996.

Поступила в редакцию 2.IV 2007 г.